

Хусаин Амирхан

Сказание об озере Кабан

Из сочинения *Таварих-е Булгарийа*

(«История Булгарии») / Вступ. ст.,

пер. с татарского и комментарии А.М. Ахунова

Таварих-е Булгарийа («История Булгарии». Казань, 1883, см.: [Амирхан, 1883]) Хусаина Амирхана — это один из тех источников, который долгие годы находился вне поля зрения татарских историков и литературоведов. Причин тому, на наш взгляд, несколько, но среди них можно выделить две главные. Первая — это недоступность для ученых самого арабографического текста из-за незнания соответствующего арабского письма, и второе — европоцентризм.

Справедливости ради необходимо отметить, что несколько лет назад этот источник был издан казанским ученым С. Гилязетдиновым в издательстве «Иман» в современной татарской графике [Әмирхан, 2001]. Однако это издание не может считаться научным в строгом смысле этого слова. Эта причина, а также малый тираж в 200 экземпляров не изменили отношения к *Таварих-е Булгарийа* Хусаина Амирхана¹.

Все вышеперечисленные причины вызвали необходимость подготовки полного научного текста этого татарского исторического источника, а также его полноценного перевода на русский язык, что даст возможность ознакомиться с ним самым широким кругам читателей.

Предваряя публикацию одного из отрывков из *Таварих-е Булгарийа* «Сказание об озере Кабан», необходимо сказать, что этот текст может показаться на первый взгляд недостаточно последовательным и логичным, порой компилятивным. Но это особенность почти всех арабомусульманских источников, и Хусаин Амирхан в этом отношении следовал давней восточной традиции.

1 | Парадоксальным образом *Таварих-е Булгарийа* был сначала введен в научный оборот за рубежом. Только в 2008 г. в Казани был опубликован русский перевод немецкого и английского исследований М. Кемпера и А.Дж. Франка, написанных в 1990-е годы, в том числе на материалах этой хроники. (Прим. ред.)

Также следует отметить основные вехи биографии автора исторического труда.

Хусаин ибн Амирхан родился в Казани в 1814 или в 1816 г. Казанский историк Р. Амирханов, который в одном из своих исследований уделил внимание его жизни и научному творчеству, полагал, что вторая дата наиболее правдоподобна, поскольку на нее ссылался авторитетный татарский ученый и богослов XIX в. Шихабалдин Марджани [Эмирханов, 2005, с. 20.]. И в самом деле, во втором томе своего исторического труда *Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар* («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара») он поместил краткую справку о Хусаине Амирхане:

«Мулла Хусаин б. Амирхан б. ‘Абд ал-Маннан ат-Талкыши родился в 1231 г. в месяц зу-л-каада (сентябрь–октябрь 1816 г. — А.А.) в Казани. После кончины отца он обучался в городе Чистополе, а также в Казани у муллы Исхака б. Са‘ида и в Мачкарах у муллы ‘Абдуллы б. Яхьи.

В 1263 г. он вернулся из Бухары, а в 1265 году получил указ в качестве напарника к своему тестю — мулле Баймураду» [Марджани, 1900, с. 103,104].

Данные о Хусаине Амирхане также приведены в календаре Ш. Рахматуллина за 1894 г. и в рукописной (неопубликованной части) библиографического труда Ризы Фахретдина *Асар* («Следы». Т. III. Ч. XII. Л. 174. Уфа, 1930)². Согласно этим сведениям, Хусаин Амирхан был известной фигурой для своего времени, по словам Ш. Рахматуллина, «знатоком многих наук». Как уже было сказано выше, лишившись отца в возрасте 12 лет, он в дальнейшем обучался в медресе Чистополя, Казани и Мачкары (ныне с. Маскара Кукморского р-на Республики Татарстан). В 1840-х гг. (примерно в одно и то же время с Марджани) он обучался в Бухаре, в 1846 г. вернулся в Казань и женился на дочери муллы Баймурада Бадриджемал. В 1848 г. он получил указ и устроился в мечеть своего покойного отца, напарником к тестю Баймураду. Когда тот скончался в 1849 г. в возрасте 67 лет, Х. Амирхан стал первым имам-хатыбом этой мечети.

Хусаин Амирхан был приверженцем различных новых идей, свободно высказывал свои мысли. Некоторым это не нравилось, что стало причиной жалоб на него в Духовное управление. В архиве управления имелись подобные жалобы, датированные 1857 и 1862 гг. Например, в 1857 г. поступило обвинительное письмо, которое написал купец 3-й гильдии из Новотатарской слободы Муса Пономарев. Речь шла о том, что Х. Амирхан якобы «неверно исполняет каноны шариата и Корана». Причиной тому послужила проблема выяснения точного дня завершения месяца Рамазан и соответствующего ему поста, который каждый имам определял по мере своих знаний. На

2 | Здесь и далее использованы сведения из книги Р.У. Амирханова [Эмирханов, 2005, с. 20–25].

этой почве возник конфликт с Пономаревым, и рассерженный, физически крепкий Хусаин Амирхан пригрозил избить купца за то, что он «лезет не в свое дело».

Похожая причина стала причиной жалоб и в последующие годы, когда в спор на тему даты празднования Уразы-байрама вступили мулла Мухаммадкарим и Шихабалдин Марджани. Большинство духовных деятелей приняло сторону Мухаммадкарима, а Хусаин Амирхан встал на защиту Марджани.

Тем не менее авторитет Хусаина Амирхана рос от года к году. В 1852 и в 1865 гг. он назначался Духовным управлением в качестве имама-представителя от Казани на Макарьевскую ярмарку.

Много времени Хусаин Амирхан отдавал преподавательской и научной работе. Обучал шакирдов в начальном и среднем мактабах, в медресе «Амирхания». Занимался популяризацией среди татар религиозных знаний на понятном им языке. Видимым результатом этого стал объемный тафсир *ал-Фаваид* («Полезное»), который, по словам его биографа, Ш. Рахматуллина, «и в самом деле стал очень полезным, поскольку был написан на местном языке нашего окружения». По сведениям татарского литературоведа Р. Гайнанова, из-под пера Амирхана вышло около 14 научных трудов различной направленности: переводы, толкования, стихотворные произведения и др., большинство из которых не дошло до наших дней.

Хусаин Амирхан прожил активную, насыщенную событиями жизнь. Он работал до последних дней и сохранял ясность ума даже в пожилом возрасте. Встречавшийся с ним в Уфе Риза Фахретдин вспоминал: «Несмотря на то, что он был уже глубоким старцем, выглядел он вполне здоровым человеком, ни на что не жаловался». Но, как было принято писать на татарских надмогильных камнях — «смерть — это горечь, которую придется испытывать каждому». Хусаин Амирхан скончался в Казани 17 января 1883 г.³ и был похоронен на кладбище Новотатарской слободы.

Но вернемся к *Таварих-е Булгарийа*. Судя по вступительному слову, Хусаин Амирхан готовился к написанию этой книги долгие годы, тщательно и кропотливо собирал исторический материал. «О, сколько лет и стараний я, немощный, потратил на эту работу! Я собирал данные отовсюду: из исторических книг и трактатов, различных хроник, переписывал заметки старых улемов, которые они оставили на полях книг, в общем, все ценное и не противоречащее здравому смыслу», — пишет Хусаин Амирхан [Амирхан, 1883, с. 3].

В качестве примера мы приводим один отрывок из его исторического труда. Это сказание об озере Кабан. Готовится полный научный

3 | По другим сведениям — 15 января.

перевод книги на русский язык, который будет снабжен более подробными комментариями и примечаниями.

В приводимом ниже отрывке речь идет об озере Кабан, которое и поныне расположено в центральной части города Казани. Но, по сути, это лишь отправная точка для изложения краткой истории возникновения Казани.

Автор дает жизнеописание казанских ханов, рассказывает о междоусобной борьбе, которая разворачивалась за казанский престол, за возможность влияния на близлежащие мусульманские регионы (Касимовское ханство), подчеркивает роль Русского государства, правители которого приложили немало сил, чтобы внести разлад в жизнь татарского мусульманского общества.

Хусаин Амирхан одним из первых предпринял попытку составить своего рода компендиум из имеющихся у него на руках источников, привести их в своеобразную систему, пусть и несовершенную на взгляд европейского человека. По этому поводу другой известный татарский ученый Хусаин Фаезханов писал следующее: «Мы думаем, что хотя Казанское ханство <...> жило под страхом неизбежных в будущем нашествий русских воинов, а также, будучи не в силах преодолеть разобщенность внутри страны, не могло уделить должного внимания развитию наук; этим и объясняется тот факт, что не были подготовлены ученые, способные написать такие исторические книги. Подтверждением этой догадки служит и тот факт, что до сих пор мы не обнаружили ни одной книги научного содержания, дошедшей до нас с тех времен. Можно предположить, что исторические труды и были тогда написаны, но по причине отсутствия печатного производства не могли особо распространиться и, видимо, пропали в пучине бед и разорений, которые постигли Казанское государство» [Фаезханов, 2008, с. 58].

«Неужто наши соотечественники и близкие по духу братья-мусульмане, жаждущие познать историю Казанского ханства, прошлое своих отцов и дедов, должны испытывать безысходность в своих устремлениях, должны потерять надежду? — задавался вопросом Х. Фаезханов. — Все нет! Капля за каплей, и сведения соберутся, а в будущем, кто знает, из собранных капель может образоваться озеро» [Фаезханов, 2008, с. 59].

Чтобы образовалась озеро, немало сил приложил и Хусаин Амирхан, и надо отдать ему должное за это. А к неточностям и нестыковкам надо относиться с вниманием как к материалу для дальнейших исследований и ни в коем случае не с нисхождением. Ведь точность и правдивость тех же самых русских летописей ставил под сомнение и вышеупомянутый Х. Фаезханов, который считал их тенденциозными, написанными в угоду конъюнктуре. И в этом отношении автор *Таварих-е Булгарийа* следовал своим самобытным путем, не оглядываясь на авторитет европейской востоковедческой науки.

Сказание об озере Кабан*

Это случилось после того, как Амир Тимур⁴ разрушил Булгар. Один человек по имени Кабан-бек⁵, происходивший из [рода] болгарского бека 'Абдуллы-хана⁶ решил обосноваться в полутора верстах выше от восточного берега озера. И [прибыл сюда] со всеми своим домочадцами и скарбом. [В то время] на тех землях не было еще никаких жилищ, лишь деревья да кустарники, да небольшой лесок. А в округе водились медведи, волки и другие хищные звери, в общем, место опасное. И когда был окончательно решен [вопрос о переезде], сюда перебрались [несколько] родственных семей, а также их друзья. Поначалу они построили несколько домов, а по мере увеличения народу возникла небольшая деревня. Они привели в порядок это место, расчистив его от деревьев и кустарников: разбили сады, посеяли пшеницу.

Неподалеку от того места, где обосновался Кабан-бек, находилась одна могила. Сам Кабан-бек полагал, что она принадлежит большому человеку [святому], поэтому огородил это место изгородью, посадил сад и возвел из глины мечеть для пятничных молений. Пришедшие потом ханы благоустроили и облагородили сад и округу, а посреди него возвели для летнего отдыха огромный дворец, который называли Ханским.

Берега озера — сплошная топь и заросли камыша, поэтому и за водой не сходишь. И здесь постарался Кабан-бек, благоустроил подходы к озеру: очистил от зарослей, насыпал мелких камней и песка, поэтому и называли это озеро в честь Кабан-бека. А позже, когда Казань взяли русские, то перенесли эту самую деревню на 35 верст подальше и называли ее «деревня Кабан». А на том [старом] месте самые знатные и богатые русские возвели множество величественных зданий. Расширили и облагородили сад, обнесли забором и называли его «Ал-хэрэй»⁷.

'Абдул-Латиф-хан⁸ процарствовал 11 лет и скончался в возрасте 58 лет. Он был захоронен в специальном месте Ханской усыпальницы,

* | При подготовке биографических справок использованы материалы «Татарского энциклопедического словаря». Казань, 1998 (далее ТЭС).

4 | Тимур (Тамерлан) (1336–1405), полководец, эмир (с 1370). Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду; совершал завоевательные походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию и др.

5 | Неустановленное легендарное лицо. Видимо, существовал в реальности, но под другим именем (Кабан-бек — фольклоризованный, народный вариант). Слово «кабан» употребляется в современном татарском языке в том же значении, что и в русском «дикая свинья». По мнению лингвиста Р. Ахметьянова, древнетюркское и финно-угорское *кубан* имеет значение «озеро, топь». Ср.: река Кубань [Әхмәтъянов, 2001, с. 83]. Древнетюркский словарь трактует это слово как «блюдо, тарелка» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 399].

6 | Абдуллах ибн Микаил (X в.), болгарский правитель. Внук Алмуша. Известен по монетам, чеканенным в Суваре (948–949) и Болгаре (957–958). Предположительно, в годы его правления окончательно сложились Болгарское и Суварское княжества [ТЭС, с. 8].

7 | Архирейский дом (Архирейская дача). Загородная резиденция казанских архиреев. Был расположен на правом берегу озера Средний Кабан. Именно это место выбрал в 1665 г. митрополит Лаврентий для строительства Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. В основания зданий в качестве фундамента были уложены многочисленные мусульманские надмогильные плиты. Сохранившиеся две плиты датируются XIII в. [Тропольская, 2003, с.172–177].

8 | Абдул-Латиф (ок. 1475–1517), казанский хан (1495–1502). Сын Ибрагима и Нур-Султан. При поддержке Ивана III сверг Мухаммад-Амина и захватил казанский престол. Попытался проводить независимую от Москвы политику. Низложен промосковски настроенной казанской знатью. Сослан в г. Белоозеро [ТЭС, с. 8].

которая располагалась в нижней части крепости, по левую сторону от Ханской мечети.

После 'Абдул-Латифа на престол вззошел его сын, Сахиб-Гирей-бек. Этот щедрый, разумный и благородный человек с детства думал о будущем. Начальное образование он получил у Идриса-хальфы.

А когда младший сын 'Абдул-Латиф-хана, Сафа-хан⁹, достиг совершеннолетия, он по своей воле отказался от престола в его пользу, а сам отправился в хадж. Скончался он в Стамбуле в возрасте 45 лет. Он правил ханством шесть лет.

Сафа-хан был человеком высокомерным. Позже он взял себе в жены из Касимова дочь Ислам-хана. Хвастался, что, мол, во всей округе нет равных мне ханов, не прислушивался к советам улемов.

В свое время Сахиб-Гирей-хан¹⁰, оказав много почестей, пригласил одного из дагестанских улемов, дамуллу Хайретдина. Сделал его в Казани хатыбом и муфтием. Он был хорошо принят всеми, и многие познали пользу наук благодаря ему. И сколько раз этот дамулла Хайретдин пытался наставлять и предупреждать [Сафу-хана], но тот так и не внял его увещаниям. Казанская знать затаила обиду, и когда Сафа-хан отправился на охоту [приступила к осуществлению своего плана]. По общему согласию они объявили ханом сына дочери Мамук-хана¹¹, визиря 'Али-бека, человека религиозного и доблестного, хотя он и не был ханским сыном. А Сафу-хана не пустили в город. Расстроившись, он ушел в Касимов, где и скончался [спустя время].

Мамук-хан выдал свою дочь замуж за дагестанского ученого Субханкула-эфенди. [Следовательно], отцом 'Али-хана был Субханкул-эфенди, а матерью дочь Мамук-хана, Сарварбика. Субханкул-эфенди был человеком знающим, очень набожным, молитвы которого были слышны [Аллахом].

'Али-хан выучился у отца фикху, тафсиру, хадисам и тем самым стал обладателем необходимых добродетелей. И когда он сам стал ханом, то взял под свою опеку людей науки и дервишей, которых окружил заботой и вниманием. Каждую пятницу по вечерам собирались в

9 | Сафа-Гирей (ок. 1510–49), казанский хан (1524–1531, 1535–1546, 1546–1549). Племянник Сахиб-Гирея. При поддержке казанских карачибеков во главе с Булат Ширином в 1524 занял казанский престол. Предпринял ряд походов против Московского княжества (1536–1537, 1541–1542, 1548). Изгнан из Казани феодальной знатью в 1531 г. и народным восстанием в 1546 г.; возвращал власть с помощью крымских и ногайских войск [ТЭС, с. 505].

10 | Сахиб-Гирей (?–1551), казанский (1521–1524) и крымский (1532–1551) хан. Сын Менгли-Гирея. Сверг казанского хана Шах-Али и захватил власть при поддержке войск Крымского ханства. В 1521 г. совместно с братом, крымским ханом Мухаммад-Гиреем, организовал поход против Московского княжества, осадил Москву, вынудил великого князя московского Василия III заключить мирный договор на условиях выплаты дани «по уставу древних времен». В 1524 г. передал престол в Казани Сафа-Гирею и уехал в Крым, откуда в Стамбул, добиваясь крымского престола. В 1532 с помощью турецкого султана Сулеймана занял крымский трон. В 1532–1537 гг. воевал с мятежным ханом Ислам-Гиреем. Совершил ряд походов на Москву (1541), Нижнюю Волгу (1546–1547) и Северный Кавказ (1551). Убит в результате заговора знати [ТЭС, с.507].

11 | Мамук (? –1498/99), сибирский царевич, казанский хан (1495–1496). Младший брат Ибака. После гибели Ибака (1495) Мамук был изгнан из Тюмени. С помощью тюменских и ногайских войск и при поддержке казанских карачибеков во главе с Кул-Мухаммадом захватил казанский трон. Пытался ограничить власть местной знати. Изгнан казанцами. В 1498 г. Мамук совместно с братом Агалаком совершил безуспешный поход на Казань. Погиб в междоусобной борьбе [ТЭС, с. 342].

Казани в его дворце улемы, чтобы прочесть отрывки из Священного Корана, произнести речи на тему тафсира и хадиса, одним словом, тогда там воцарились религия и благочестие.

Посреди крепости на месте Ханской мечети он возвел новую и большую мечеть, а также выстроил по всему городу небольшие мечети и медресе, позаботился об имамах и муэдзинах для них. Отвел место для кладбища по ту сторону Булака, чуть выше [от берега]. А ведь раньше предавали земле где придется. И первым там был захоронен Субханкул-эфенди.

У 'Али-хана было два сына: старший Утяш-хан¹² и младший Ядыгер-хан¹³. Этот самый 'Али-хан процарствовал 12 лет и скончался в возрасте 57 лет. Он был также погребен на Ханском кладбище, неподалеку от Хайретдина и Субханкула-эфенди.

После чего ханом стал Утяш-бек. Это был энергичный человек, который все свои дела вершил с расчетом на будущее.

В годы его правления в Касимове распространились различные безобразия и распутство. И сколько им было послано писем-наставлений [но все без толку]. И тогда Утяш-хан собрал войско из трехсот с лишним человек, взял с собой наиболее видного ученого того времени Салима-эфенди и [выступил в поход].

Но вначале он заслал к ним гонца с вестью: «Я пришел не для того, чтобы вершить зло, а, наоборот, чтобы его исправлять. Пусть выйдет к нам самый большой ученый этой страны. Пусть они в присутствии [двух ханов] проведут диспут, обсудят текущие дела. И тот, кто окажется неправым, покается перед правым. И пусть они будут упорны в вере, а иначе что мы ответим в Судный день, если отбросим в сторону правду, правду по шариату?».

В то время Касимовом правил хан Сулейман-бек¹⁴. Он выдвинул отряд из четырехсот человек, а также одного из местных улемов, Халима-эфенди. Эти двое в присутствии ханов обсудили [различные проблемы]: от обязательности пятничного намаза до употребления пьянящих напитков, поговорили о том, [можно ли] иметь отношения с женщинами другой религии**,петь, развлекаться, играть на лютне и тамбурине, рассуждали о ростовщичестве, о сунне Пророка (мир ему и приветствие!). И в каждом вопросе Салим-эфенди обосновывал свою мысль твердыми доводами, объяснял, какие действия идут во благо и как всякая непотребная ересь ведет к темноте. Тем самым он не оставил Халиму-эфен-

12 | Утямыш-Гирей (1546–1566), казанский хан (1549–1551). Сын Сафа-Гирея и Сююмбеки. Провозглашен ханом после смерти отца. За младенца правила мать. Низложен промосковски настроенной татарской знатью и выдан вместе с матерью Ивану IV в качестве заложников. В январе 1553 г. крещен, назван Александром [ТЭС, с. 604].

13 | Ядыгар-Мухаммад (Едигер) (?–1565), последний казанский хан (1552). Сын астраханского хана Касима. В 1542–1550 гг. на русской военной службе, принимал участие в походе русских войск на Казань (1550). В 1552 г. был приглашен Кул Шарифом и Чапкыном Отучевым на казанский престол. Один из руководителей обороны Казани в 1552 г., попал в русский плен. В 1553 г. в Москве был крещен, назван Симеоном Касаевичем, получил двор и княжеское содержание [ТЭС, с.682].

14 | В это время в Касимове правил Шах-Али. О Сулейман-хане у В.В.Вельяминова-Зернова в его 4-томном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах» за этот период нет никаких упоминаний.

* | Двое улемов: Салим-эфенди и Халим-эфенди.

** | Букв.: иностранками.

ди никакой возможности для возражений. Но, несмотря на это, [с противоположной стороны] не прозвучало никаких обещаний прекратить всю эту скверну, которая превратилась в обыденность.

Утяш-хан повелел Салиму-эфенди [подкрепить его действия] фетвой, на что тот ответил хадисом: *Ман тамассака би-суннати 'инда фасад уммати фа-лаху аджр ми'ат шахид* («Тот, кто предпочтет следовать моей сунне, чем вредить умме пороками, тому вознаграждение, [равное вознаграждению] ста шахидам»). И тогда [Утяш-хан] сказал: «Они мусульмане, но находятся в заблуждении».

Чтобы отвратить [худшее] и руководствуясь словами *ал-хакк йа'лу ва ла йу'ла* («Истина превыше всего, а не ниже»), а также произнося слова восхваления щедрейшему Пророку, он захватил Сулейман-хана и Халима-эфенди и увез их в Казань.

Позже, поняв, что только знание приносит пользу человеку, как в этом брэнном мире, так и на том свете, Халим-эфенди пришел к Салиму-эфенди и покаялся. «Истина на вашей стороне», сказал он. И тогда на их лицах засиял свет знаний, и они поклялись друг другу в верности до конца дней своих. [Воистину говорят]: *Туба ли-ахли 'илм* («Все наилучшее — людям знания»).

Заступничество ученого люда друг перед другом сильно. И поскольку [раскаяние] было принято как Всевышним Аллахом, так и всеми людьми, Халим-эфенди привел к Салиму-эфенди Сулейман-хана, который также покаялся. Затем Салим-эфенди обратился к Утяш-хану, чтобы тот простил их ошибки и недостатки и разрешил вернуться обратно в Касимов. [Что и было сделано], за что он и был восхвален своим народом.

И именно в годы [его правления] прозвучало предложение со стороны московского хана, которое он передал через своего посланника архиерея Сергея Михайловича, прибывшего [в Казань] с делегацией из 24 человек.

[В нем было сказано]: «Отдай мне Казань, все равно она не останется в руках мусульманских ханов. Я не возьму — возьмут другие, к чему лишнее кровопролитие? Я же дарую вам много богатств, учтем все пожелания мусульман, составим добровольный договор, подпишем его, утвердим у христианских муфтиев с условием, что он никогда не будет нарушен, и положим его на хранение в казну в надежный золотой сундук».

В тот вечер, когда они должны были войти в Казань, земля затряслась, а над мечетью, построенной 'Али, прозвучал глас: «Война по сунне Пророка!» И поскольку никто не знал, откуда шел [этот возглас], возникло [смешанное] чувство страха и смелости. А сам Утяш-хан, проявив необычайное самообладание и показав тем самым величие Ислама, целый месяц держал их за [крепостными] стенами и лишь спустя время разрешил им войти. И в день их вступления в Казань, когда все, что надо было передать, было передано, архиерей, а вместе с ним и князь Дмитрий Филич занемогли животом и вскоре скончались. Оставшиеся же 23 че-

ловека впади в большое горе и стянули свои флаги. Они обратились к Утяш-хану с просьбой выделить им возле Булака напротив озера 20–25 сажень земли. Там они и захоронили усопших: архиерея напротив мусульманского кладбища, а генерала в значительном отдалении от него.

Мусульмане крайне удивились такому стечению обстоятельств и объяснили это святостью Утяш-хана. Оставшиеся [члены делегации] сообщили о произошедшем московскому хану, и [вскоре] от него поступил приказ: «Почивших оставить на месте, а остальным возвращаться».

Позже из Москвы прибыли родственники архиерея и генерала и провели все положенные траурные церемонии. Летом они жили в шатре, зимой в землянке, а строить дом им не разрешили. А когда русские завоевали Казань, то с большим воодушевлением воздвигли здесь разные постройки, а во времена Екатерины II было велено построить на этом месте большую церковь.

Возле могилы генерала долгие годы жил один убогий человек. Он пересказывал христианам слова генерала, услышанные им во сне, и убедил их обнести это место изгородью. И оно больше не принадлежало мусульманам.

Я же, ничтожный, предполагаю, что это место находилось там, где в наши дни было воздвигнуто большое [здание] училища.

Утяш-хан правил страной 16 лет и скончался в возрасте 67 лет от носового кровотечения. Благодаря своим многочисленным добродетелям, он покинул этот бренный мир, будучи шахидом, и был похоронен в южной половине сада, расположенного в начале озера. *Калу: инна ли-л-Ллахи ва инна илайхи раджи'ун* («Сказали они: “Воистину все мы принадлежим Аллаху и к Нему вернемся!”»).

После него на престол взошел Ядигер-хан. В период его правления в 957 г. случилось солнечное затмение. Три дня нельзя было отличить день от ночи, народ был в тревоге. На третий день во время послеполуденного намаза небо прояснилось, но на Казань обрушился и тут же исчез какой-то огонь в образе дракона. Это не только удивило, но и напугало мусульман. Обратились за толкованием к Салиму-эфенди, на что тот ответил: «Аллах лучше знает, но, видимо, это знак скорого завоевания Казани русскими».

Так оно и случилось.

Салим-эфенди был святым человеком. Он скончался в 81 год и был похоронен неподалеку от Субханкула-эфенди.

Хотя Ядигер-хан и был человеком хватким и ловким, но не отличался особыми добродетелями. [Как-то] московский хан направил к нему своего посланника с письмом, в котором просил уступить Казань. И когда казанские улемы и вельможи прознали о том, что он хочет сдать город и получить за это много золота, тайно послали своего человека к дагестанскому хану 'Али-Ахмад-хану. Чтобы предотвратить подобное

развитие событий, 'Али-Ахмад-хан выслал [в Казань] отряд в 600 человек с 'Илемдан Ахмад-эфенди и во главе со своим амиром Колчуруй-беком. Поначалу шейх Ахмад пытался увещевать его, но вскоре Колчура-бек, руководствуясь фирманом 'Али-Ахмад-хана, пригрозил ему: «Если не откажешься от своих намерений, то в ход пустим войско». И тогда Ядигер-хан вынес подарки и покорно озвучил свою волю: «Пусть [Всевышний] дарует 'Али-Ахмад-хану долгую жизнь, пусть преумножит его богатства, но я вовсе не собирался отдавать Казань, а лишь хотел взять себе золото». Сказав это, он с большим почтением проводил шейха Ахмада и Колчуру-бека.

У Ядигер-хана не было детей мужского пола. Лишь одна дочь Шинбика (Сююмбика)¹⁵. А сам он скончался, процарствовав 20 лет, и был похоронен на Ханском кладбище. Оно существовало до 1700-х гг., а потом в том месте были возведены различные строения.

На этом оборвался род мусульманских ханов, и Казань досталась дочери Ядигер-хана Сююмбике. Она сразу поняла, какая это тяжелая ноша, ведь перед Аллахом за дела и поступки людей придется отвечать [ей]. И тогда она решила созвать местную знать и улемов. В то время одним из самых уважаемых людей был Зайнутдин-эфенди. Он сказал: «Мои ничтожные знания позволяют сказать лишь одно — ханский престол это мужское место, надо посадить кого-либо из мужчин». И, таким образом, эта его фетва стала [хорошей новостью] для Шахали-хана¹⁶. Он был сыном Сафы-хана, семья которого после его ухода в Касимов, переселилась в [другое место].

Этот Шахали-хан несколько раз был у московского хана и находился под его властью. От безысходности казанской знати пришлось обратиться к Шахали-хану, который пообещал: «Я хорошо знаю все слабые и сильные места русских, поэтому не обманусь».

Таким образом он процарствовал целых тринадцать лет. Впрочем, это было уже третьим его восхождением [на ханский престол].

В 954 году по хиджре (в 1554 году по милади) русские решили овладеть Казанью с помощью военной силы. Царь Иван (Калталы Иван)¹⁷, а также русские беки стали подстрекать одного из внуков Кирман-хана — Касим-хана¹⁸, мол, отдадим тебе Сююмбику, [в общем], подчинили его обманом.

15 | Сююмбика (ок. 1516 – после 1554), правительница Казанского ханства в 1549–1551 при малолетнем сыне Утямыш-Гирее. Жена казанских ханов Джан-Али (1533–1535), Сафа-Гирея (1536–1549), Шах-Али (с 1553). Свергнута в 1551 г. и отправлена вместе с сыном в Москву [ТЭС, с.551].

16 | Шах-Али (1505–1567), касимовский (1516–1519, 1535–1546, 1546–1551, 1552–1567), казанский (1519–1521, 1546, 1551–1552) хан. Сын Шейх-Аулиара. После смерти отца (1516) был провозглашен касимовским ханом. В 1519 был приглашен на казанский престол беклербеком Булат Шириним. Проводил промосковскую политику. Изгнан из Казани мятежной татарской аристократией. Неоднократно при поддержке московских князей занимал касимовский и казанский престолы. Участвовал на стороне Москвы в походах русских войск против Казани (1537, 1540, 1541, 1548, 1552) [ТЭС, с. 663].

* | Правильно в 1552 г. 954 г.х. = 21.02.1547 — 10.02.1548.

17 | Распространенная ошибка, характерная для многих татарских исторических трудов. Автор путает великого князя владимирского Ивана Даниловича Калиту (1328–1341) с царем Иваном Грозным (1530–1584).

18 | Видимо, речь идет о Шах-Али.

Причиной тому, что Касим-хан позволил русским обмануть себя и двинуться в путь, была его [большая] любовь к Сююмбике, желание взять ее в жены. Тому, что он привел русских, послужило также и то, что Сююмбика отвергла его предложение.

Они не смогли подойти к Казани с этой стороны Волги. Марийцы, живущие там, привели в негодность дороги, раскопали рвы, повалили деревья, пустили туда воду — и все ради того, чтобы не прошли русские войска. Раз не получилось отсюда, пришли с нагорной стороны. [А там жили] мурзы, которые приложили много сил, чтобы получить этот статус.

Эти [русские] беки воевали целых семь лет. И когда они поняли, что не в силах взять [Казань], то возвели крепость в устье Свияги, где и сложили свое оружие и продовольствие. Видимо, речь идет о нынешнем городе Свияжске. В конце концов Шахали-хан выполнил свое обещание перед русскими: втайне от мусульман подмочил их порох, набил пушки песком, в общем, сделал все, чтобы сдать Казань русским. Погибло множество людей.

В первый день октября, в воскресенье, в Покров день, исполняется 318 лет, как Казань вошла в Русское государство. После взятия Казани, казнили Касим-хана. Сказали: «Ты предал своих беков, значит, предашь и нас». А Сююмбика в это время в стенах Ханской мечети читала мунаджаты про Аллаха Всевышнего и проклинала всех касимовцев.

Согласно одним легендам, эту мечеть построила Сююмбика, а по другим — ее воздвиг Мухаммад-Амин-хан, а Сююмбика лишь реконструировала. [Но что касается] расположенной рядом библиотеки, то ее и в самом деле возвела Сююмбика.

Этот Шахали-хан исчез в день взятия Казани. Его не было ни среди мертвых, ни среди живых. Лишь спустя несколько дней на ханском кладбище нашли его голову без тела. Никто не знал, кто его убил.

Сююмбика обратилась к Зайнетдину-эфенди, чтобы тот дал фетву совершить джаназа-намаз по голове [Шахали] и захоронить ее. Эфенди рассудил так: «Все толкования относительно тела правильны, потому что голова была во власти тела. Если она, [например], произнесла “талак” своей жене, то это действие засчитывается». После чего [голову] захоронили на ханском кладбище. Многие полагали, что проклятия Сююмбики достигли своего адресата. От отца Сююмбики Ядигер-хана [остался] человек по имени ‘Ариф-бек, который служил и ей. Он был очень образованным человеком с хорошим характером и, кроме того, писал стихи. В память о разрушении Булгара Амиром Тимуром (он также печалился по поводу того, что тот не пошел дальше на Русь), он написал назмом стихи, которые так и не были опубликованы.

Когда русские взяли Казань, Сююмбике было 26 лет. Многие из соседних беков хотели заполучить ее. Особо старался Касим-хан, но она

не приняла его. [По этому поводу] она спросила Зайнетдина-эфенди: «Что лучше жить жизнью отшельницы или выйти замуж?» «Пророк (мир ему и приветствие!) говорил: “Брак — это моя сунна, а кто отказывается от моей сунны, тот не из моей уммы”, — ответил он. Любой человек не свободен от вожденных желаний, которые могут толкнуть на путь распутства. И, конечно, замужество лучше, особенно если претендент — почтенный и уважаемый человек».

У Зайнетдина-эфенди был сын шейх Садретдин — образованный, религиозный человек. Постигший науку любви, пригожий внешне. [В результате Сююмбика] выбрала его. Был совершен обряд бракосочетания, в котором участвовали ученые и праведники со всей округи. Всем им оказали невероятное гостеприимство, наделили подарков, а все свое достояние Сююмбика вручила Садретдину-эфенди, который стал ее мужем.

Список источников и литературы

- Амирхан Хусаин. *Таварихе-е Булгарийа*. Казан, 1883.
- Әмирханов Р.У. *Әмирханнар (тәфсилле шәжәрә)*. Казан, 2005.
- Әмирхан Х. *Тәварихы Болгария (Болгар тарихы)*. Казан, 2001.
- Әхмәтьянов, Р.Г. *Татар теленең кыскача тарихи этимологик сүзлеге*. Казан, 2001.
- Вельяминов-Зернов В.В. *Исследование о касимовских царях и царевичах: В 4-х т.* СПб., 1863, 1864, 1866, 1887.
- Древнетюркский словарь*. Л., 1969.
- Марджани Шихабдин. *Ал-кисм ас-сани мин китаб Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар*. Казань, 1900.
- Татарский энциклопедический словарь (ТЭС)*. Казань, 1998.
- Троепольская Н. *Загородный Архиерейский дом: фрагменты истории // Эхо веков (Гасыр-лар Авазы)*. 2003. № 1/2.
- Фаезханов Хусаин. *Жизнь и наследие: Историко-документальный сборник*. Нижний Новгород, 2008.